
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Сергей Александрович Лебедев. Живет в городе Тольятти. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член РСПЛ.

1

С некоторых пор я уверен, что порой происходящие с нами случайности вовсе не случайны. А даже наоборот, бывает, они так направляют жизнь, что и сомнений не возникает в правильности сложившихся обстоятельств. И живешь с твердым убеждением, что поступил правильно, не по воле случая, а так, как и должно было быть. Но все в этой жизни возвращается на круги своя, и тогда, уже намного позже, может быть, через пять или десять лет, принятое тобой решение вновь напоминает о себе, заставляя сомневаться в правильности выбора. Но жизнь не повернуть вспять, вот и тянет груз прошлого, пока новая случайность не облегчит душевное состояние, не скажет тебе: «Живи и не мучайся!»

Я случайно встретил свою будущую жену, потому что после демобилизации в восемьдесят четвертом году заехал в небольшой волжский поселок, чтобы увидеться с армейским другом. Два года мы служили с ним в одной роте мотострелкового полка, в Чехословакии.

Но совсем не случайно то, что через полгода мы с Ларисой поженились. Я переехал и остался жить в этом уютном тихом поселке. Сразу же устроился на кирпичный завод — электриком, еще через полгода получили мы комнату в коммунальной квартире. Жили и радовались, что все хорошо складывается в нашей жизни. Через год родился сын, еще через полгода выехали одни соседи из квартиры, потом другие. Нам оформили освободившуюся жилплощадь — так стали мы по воле случая полноправными квартиросъемщиками трехкомнатной квартиры в двухэтажном, стареньком, но еще довольно крепком, кирпичном доме.

Однажды, года через четыре после моего переезда в поселок, я случайно увидел его на улице — вдруг внезапно мелькнуло что-то знакомое в лице встречного прохожего. Но потом, как будто кольнуло — ведь это он!

И хотя прошло почти восемь лет, но мне явственно вспомнилась воинская часть под Саратовом. Две недели муштры на плацу и тягостного безделья в ожидании «армейских покупателей». Наконец, мы — «карантищики» — приняли присягу, но еще целую неделю томились в неизвестности, пока среди нас, теперь уже «салабонов», не прошел слух, что списки для отправки — подготовлены. И первыми в них те, кого отправят служить в Афганистан. Оставшихся счастливыхчиков распределят по воинским частям в Союзе или в Западной группе войск.

Когда я остановился и оглянулся назад после мгновенно промелькнувших в моей памяти картин прошлого, то увидел, что он тоже стоит и смотрит на меня. Наши взгляды встретились. Сомнения окончательно развеялись. Я не ошибся — это он. И снова в голове замелькали давние события, слившиеся в сплошной поток, как кадры кино в ускоренной прокрутке.

2

Прапорщик Воронин из отпуска вернулся очень недовольным. В свои двадцать девять он еще не успел жениться. Хотя внешностью Бог его не обидел. Роста он был немного выше среднего, с крепким, добротным телосложением, русоволосым, с лицом эдакого хитроватого ухаля с деревенской улицы. Воронин надеялся, что в этом году обязательно в отпуске с ним что-то должно случиться. Воронин не считал себя закоренелым холостяком, но так получилось, что до армии девушки у него не было, а когда остался на сверхсрочную службу особенно об этом не задумывался. Вполне был доволен случайными мимолетными знакомствами. Да и угла своего еще не занял, все больше по армейским общежитиям. А недавно получил небольшую комнату, хотя тоже в общежитии, но отдельную. Вот и засела мысль о женитьбе в его «непутевой» голове. Так о нем всегда говорил его родной дядя, у которого Воронин воспитывался после смерти матери. А отца своего он не знал вовсе. Мать родила его поздно, как говорится на излете возраста. Тоже, наверно, думала о том, чтобы под старость не остаться одной.

Но как только Воронин приехал в родную деревню, все его планы рухнули в первый же вечер. Крепко выпили с дядей, вспомнили всех родных, которых уже не было на белом свете, почти полночи вели долгую мужскую беседу. А наутро, Воронин взял старенький дядин велосипед и отправился по близлежащим деревням навещать оставшихся школьных друзей.

В соседней деревне он и встретил случайно бывшую свою одноклассницу Лидку Воронину, которая приехала погостить к родителям из большого волжского города. Надо сказать, что в той деревне чуть ли не половина жителей были Воронинскими. Никто не удивлялся обычной для русских деревень однофамильности.

Лидка сразу после школы уехала в город и поступила учиться в техническое училище. Окончив его, она вот уже более десятка лет работала на каком-то химическом заводе. Красотой Лидка не отличалась, остроносая, с почти безгубым ртом, она была похожа на сердитого лисенка. В городе жила в общежитии и беспросветно ждала получения отдельной квартиры.

Увидев ее сидящей на скамейке около дома, Воронин лихо подкатил к Лидке. Прапорщик положил велосипед в траву, подсел рядом. Разговор был почти ни о чем, повспоминали друзей, односложно поговорили о своих делах, и он уехал на другой конец деревни, где жил его друг детства — Николай Воробьев, работавший трактористом в колхозе. На прощанье Лидка сказала, что вечером в клубе будут танцы, на которые она собирается пойти.

Надрывался старенький магнитофон, дым в зале клуба стоял серо-сиреновой пеленой. Воронин выпил в гостях у Николая и решил тоже сходить на танцы. Выйдя на крыльцо клуба подышать свежим вечерним воздухом, прапорщик столкнулся с Лид-

кой. Вблизи он увидел, что годы почти не изменили ее. Такие же маленькие серые глаза, острый нос, маленький невыразительный рот. Выпитая водка, давняя мужская неудовлетворенность сделали свое дело. Прапорщик пригласил Лидку прогуляться по вечерним, затухающим улицам деревни. Та согласилась и они, пройдя деревню из конца в конец, шагнули в темноту прохладной околицы, где пахло скошенной травой, сыростью от болотины под угором, грибным настоем из недалекого леса. Звенели цикады.

Около стога Воронин обнял Лидку, крепко по военному прижал ее худенькое тело к своему, истосковавшемуся, и они повалились на сено. Сначала она отвечала на его грубоватые ласки, но вдруг поняла, что все зашло слишком далеко. Почувствовав это, она попыталась вырваться, но было уже поздно. Когда прапорщик затих, Лидка оттолкнула обмякшее тело Воронина, обозвала его дураком и убежала в деревню.

Нынешний отпуск и поездка к дяде в родные места ничего нового не добавили в душу Воронина, кроме тягучей горечи от несбывшихся надежд. И снова, как это было последние три-четыре года — казались ему и сейчас цепью случайных, ничего не значащих событий. Событий, которые нарушали его устоявшийся, армейский распорядок жизни, ломали, хоть и временно, привычки холостяцкого быта.

Прапорщик сидел с большой головой после вчерашней встречи с армейскими друзьями по случаю возвращения из отпуска. Перед ним лежали списки солдат, которых надо было распределить по командам для отправки в места службы. Задача для него простая и привычная, не первую партию новобранцев он формировал для «покупателей». Разрядка и того проще — Дальний Восток, Чехословакия, Венгрия, Германия. В Афганистан поедут служить двадцать шесть человек. Он аккуратно переписал карандашом двадцать шесть фамилий на отдельный листок. Последним двадцать шестым в этом списке значился рядовой...

3

С утра в казарме витал дух напряженного ожидания, «салабоны» гудели на разные лады. Кто-то принес новость, заставившую нас серьезно задуматься о том, что время «карантина» закончилось, и слова песни «Солдаты в путь» не сегодня-завтра воплотятся в реальность. Особенное волнение охватывало наши души известие о том, что многие поедут служить в Афганистан, даже количество кто-то называл — двадцать шесть человек. А поскольку присягу мы уже приняли, то и задумались — все уже слышали о войне, знали, что такое «груз 200». Третий год проливали свою кровь наши ребята «за свободу народа Афгана». Вот и мечтал каждый из нас остаться служить в Союзе или попасть в Западную группу войск.

Весь день я ходил сам не свой. Только одна мысль нудно и монотонно ворочалась в моей голове. «Только не Афган, только не Афган».

Перед самым ужином, до построения, я вбежал в ленинскую комнату казармы. Прапорщик Воронин сидел за столом, тупо глядя перед собой. На столе лежали какие-то бумаги, и я почему-то сразу подумал, что это списки отправляемых солдат.

— Чего надо, «салага»? — нехотя крикнул прапорщик.

Я остановился недалеко от стола и, набравшись наглости, спросил:

— Можно узнать, в какой я команде, товарищ прапорщик?

Но вместо ответа, услышал неожиданный вопрос: «Деньги есть?»

Не успел я сообразить, что сказать, как прозвучало, словно выстрел: «Три пузыря, понял?»

Как не понять. Я опрометью выскочил из казармы. Место, где можно было пролезть под забором из бетонных плит мне хорошо знакомо. На улице вечерело и все вокруг приобретало сероватый оттенок. Я незаметно прошмыгнул под забором, перебежал дорогу и вдоль нее, по березовой аллее кинулся к ближайшему магазину.

Продавщица со сторожем стояли на крыльце и запирали замки. Еле отдышавшись, я все-таки сумел объяснить им, что мне надо. Сердобольная женщина пожалела солдата, и я, рассказав три бутылки водки по карманам и за пазуху, припустил обратно — еще быстрее. Бежать пришлось, придерживая карманы, потому что бутылки норовили выпрыгнуть на дорогу. Темнело быстро, и я так же незаметно пробрался через лаз на территорию части.

Двери штабной казармы были уже закрыты, но прапорщик дождался меня на скамейке около входа. Все списки были при нем в небольшой красной картонной папке. Водку я отдал ему в спортзале, в который он меня привел. Спортзал был пуст. В раздевалке Воронин вытащил из шкафчика два стакана, налил в один, почти полный, и выпил, не отрываясь. Хорошо, что я догадался прихватить из магазина кружок колбасы и батон. Он жадно заел выпитую водку, налил в другой стакан до половины и сказал: «Пей, солдат, сейчас обрадую». Потом вытащил листы бумаги и протянул мне:

— Это списки, они по всем направлениям. А куда, сколько поедет, знаю только я. Разрядка получена сегодня утром. Я ведь чувствую, что тебя беспокоит, и чем ты особенно интересуешься. Первыми в списках — афганцы. Их двадцать шесть человек. Можешь посмотреть.

То ли после пробежки в магазин, то ли после выпитой водки, а может, от нахлынувшего на меня волнения, сердце в груди бешено колотилось. Меня удивило, что все списки были написаны карандашом. Напротив каждой фамилии стоял порядковый номер. Моя фамилия значилась под номером двадцать шесть.

— Ну, что молчишь, боец, или нашел себя в этом героическом списке?

— Нашел,— только и сумел я ответить. Потом добавил: — Афган.

Прапорщик присвистнул, снова налил полстакана водки и протянул мне: «На, выпей за свое здоровье и благополучное возвращение». Я еле сдержался, чтобы не врезать по его ухмыляющейся физиономии, но водку взял и выпил одним глотком. Мы молча сидели. Прапорщик налил снова полный стакан, выпил. Потом забрал у меня из рук списки, разложил на скамью. Что-то начал исправлять в них карандашом. Поднялся и сунул мне в руки лист бумаги: — «На, смотри». Я не верил своим глазам. Моя фамилия по списку была на строке с номером двадцать семь. А двадцать седьмой оказался на моем месте — двадцать шестым.

— Поедешь служить в Чехословакию, в Европу.

— Но я же хорошо знаю этого парня, наши койки рядом. Как же я с ним теперь смогу общаться и разговаривать?— только и сумел я пролепетать.

— А ты зачем пришел ко мне, гаденыш? Поинтересоваться? Душу успокоить. Нет, ты пришел, чтобы я тебя отмазал от Афгана. А теперь, когда я свое дело сделал, заметь, сделал за твою отмазку, ты нюни распустил. Я тебе не марионетка, чтобы ты меня дергал то в одну сторону, то в другую. Вали отсюда, а утром всех афганцев после завтрака — на поезд и в Термез. Так что не придется тебе даже в глаза ему взглянуть. Хочешь чистеньким остаться, не получится теперь — мы вместе это сделали. И живи спокойно — всем в мире заправляет господин-случай. Ты случайно узнал, я случайно пожалел тебя. И все, пошел отсюда.— Он небрежно подтолкнул меня в спину, мы вышли из спортзала. Не сказав ни слова, прапорщик, показывая мне спиной свое полное презрение, ушел по освещенной дорожке в сторону КПП.

4

На его лице светилась приветливая, широкая улыбка. Заметив мою нерешительность, сам шагнул навстречу и сказал, радостно улыбаясь:

— Да я это, я!— и протянул руку.

Я почувствовал его крепкое пожатие, но отвел взгляд, все еще не решаясь глядеть ему прямо в глаза. Я понял, что радость его искренна. Он хлопнул меня по плечу:

— Пойдем, надо такую встречу отметить. Сколько мы с тобой не виделись? Считай с того самого момента, когда я сел в поезд и покатил в сторону границы выполнять интернациональный долг. Ты как будто не рад или что случилось?

— Да нет, я конечно рад, просто как-то неожиданно и от этого не могу понять случившегося.

— В нашей жизни все случайно, не парься. Я вот тоже благодаря счастливой случайности живым вернулся из Афгана. Ну, пойдем, я знаю тут одну тихую заводь.

Мы сели за столик, закурили, выпили. Потом еще. Третий тост пили до дна, не чокаясь — он сказал, что это в память о погибших ребятах. Я молчал, чувствуя скованность от встречи с ним, но он как будто этого не замечал, балагурил, а потом весь вечер рассказывал о себе.

«Когда мы проехали Оренбург, и поезд повернул на юг — стало ясно, едем в Афганистан. Замелькали выжженные летним безжалостным солнцем казахские земли. А за Актюбинском вообще голая степь пошла. Лишь кое-где в деревьях стоят по улицам высокие тополя. Ехал и думал: «Картина, конечно, не очень веселая, но это же — Союз, и как будто все родное. А что ждет в этом Афгане? Война идет третий год. Туда — ребята, обратно — цинки...»

Но знаешь, когда точно понял, что еду в Афганистан, на душе как-то успокоилось. То ли молодой был, но думалось — будь, что будет. Ведь на границе в Термезе нас в самолет и — летите крылья Родины. Прилетели в Кабул — жарища, неразбериха. Ни попить, ни поесть. Наконец-то что-то прояснилось, на зеленую стрекозу — и в Газни.

Первые обкатки в горах, словно поездки в чистилище. Там нас обстреливали два сержанта из гранатомета АГС-17*. Посадят на закрытые позиции, и давай палить! У них только гранатомет подпрыгивает, а мы словно в аду — грохот, пыль, уши закладывает. Вот так и привыкали к боевой обстановке.

Или ночные стрельбы — темнота, только трассеры, словно зловеще сверкающие глаза «духов». В жизни все бывает впервые, потом к этому привыкаешь. А вот первый бой или перестрелка — они ведь могут быть и последними.

Натерпелся я страха в первой перестрелке. Ухает наш гранатомет, с горы бьет базаука, автоматные тьяканья со всех сторон, хочется втереться в камни, в расщелины, укрыться за любым выступающим валуном. Рядом со мной лежал парнишка с Украины, из города Сумы, водитель БТРа. Он в блиндаже постоянно бронезилет на дверь вешал, все говорил: на чужбине погибать — желания нет. А это, мол, спасет от осколков или от пуль. А тут выставил за камень свой АКМ и жмет на курок. И какой черт его дернул, только он приподнял голову, хотел, видно, что-то разглядеть в этой кромешной пыли, как вдруг услышал я хлесткий такой щелчок, как кнутом кто-то хлестнул. Снайпер дождался своей секунды. И на месте глаза у парня кровавое месиво, все лицо словно в кровавой маске. Посмотрел я на него и дальше жму на курок. Не то, чтобы мне было все равно, от страха тогда казалось, что каждая пуля моя, а если закончу стрелять — она тут же в меня и попадет. Вот так, брат, косая в двух шагах от меня побывала в первом же бою. Полюбил я тогда горы с гранитными камушками. И от пуль, и от минных осколков защита, что надо.

Поля минные, как щиты ставили вокруг блиндажей. Но обязательно наблюдение вели и за минными полями, а то умудрялись «духи» своих саперов пускать вперед, ползали между камней по-пластунски. Не раз попадали они под наши пули.

В первые месяцы службы пришлось мне самому пройти через минное поле. Устроили ночью «дембеля» отходную попойку — приказ обмывали. Все выпили и посылают меня в соседний кишлак. Да вы что, говорю, на дворе ночь, как дорогу найду. Ничего, гогочут, тут всего-то и километра не будет, а чтобы побыстрее, вон, садись на вьючное транспортное средство и — вперед! В горах ишаки были незаменимы —

---

* АГС-17 — автоматический гранатомет станковый.

по любой тропе пройдут, мы их нагружали всем, чем придется — боеприпасами, минами, водой, провиантом. Вот и оседлал я «транспортное средство», куда деваться. Попробуй, возрази «дембелям», сам знаешь, себе дороже. Погоняю я ослика, а он так прытко идет — цок-цок по камушкам. Как в темноте дорогу находил, не знаю. Удачно я проскакал на нем по кишлаку, ни одна собака не тявкнула, видно знали они его уже. Вернулся, привез им водки и спать завалился. Утром вышел из блиндажа, глянул — и волосы на голове зашевелились. Перевез меня ишак через минное поле. Кто за меня молился в это время, не знаю, но кто-то спасал — это точно!

Поездил я там по дорогам войны. За то, что шоферил, наградили медалью «За боевые заслуги». Едешь, а вдоль дороги обгорелые бетээры, наши — советские, лучшие в мире. Едешь и не знаешь, с какой стороны стрельба начнется. Особенно охотились духи за простыми «КамАЗами» с горючкой, наливниками. Видел я, как от одного попадания автоцистерна в небо летит, а вместе с ней души ребятишек отлетают. А в ущелье Асмар и танки, и БМП, и вертушки обгоревшие, как на кладбище металлолома. А как подумаешь — сколько наших солдат сгорело в этой технике — тоска берет.

Вручили мне и вторую медаль — «Отвагу» — уже почти перед самым дембелем. Сейчас и посмеяться не грешно, не над медалью, конечно. А пришлось мне опять по минному полю прокатиться. Как не попадает снаряд дважды в одну воронку, так и у меня — не вышло второй раз счастливой случайности. Было это в ущелье Асмар. На рассвете обстреляли наш блок-пост из ДШК*. Укрытие помогло — никого не задело, к счастью. Когда совсем рассвело, посылает старлей пятерых бойцов с сержантом в кишлак. Пройтись по саманным дувалам и зачистку сделать. Хотя кишлак и недалеко, но не пешком же идти. Загружает всю команду в мой «Узик»; я на нем подвозил боеприпасы, харчи для ребят, и, как на грех, остался ночевать. Сержант садится ко мне в кабинку, а бойцы попрыгали в кузов. Уже подъезжая к кишлаку, увидели мы с сержантом, что проезда нет, впереди минное поле. Не возвращаться же. Вот и придумали. Бойцов высадили, а машину я развернул кузовом к минному полю. Они за камни залегли, а сержант остался со мной в кабине. Сдаю машину потихоньку кузовом вперед, прямо на минное поле. Думали — проскочим; они в основном минировали пластмассовыми итальянскими минами. Зря надеялись — рвануло так, что я сразу отключился. Очнулся — левая рука в крови, в голове звон, пошевелился, чувствую боль в правой ноге. В общем, съездили. Сержанту повезло — его только контузило. Все головой мотал, пока нас в госпиталь везли. Вот так я и вернулся домой — с двумя медалями и живой. Правда, после контузии пить не могу, после трех рюмок башка слетает. Но скажу честно, как на духу: трусом я не был, и честь не марал.

И вполне серьезно считаю, что все, кто отслужил в Афганистане, достойны «Отваги». Только награждали не всех, а многих — посмертно».

Я сидел, слушал его, а в голове крутилось: «Сказать — не сказать, сказать — не сказать». И по-прежнему боялся взглянуть ему в глаза. Он все-таки заметил мое состояние и уже настойчиво спросил:

— Нет, ты чего-то сегодня смурной. Говори, что случилось? Вместе обмозгуем. Помогу, чем смогу. Не рви душу молчанием, сам себя сожрешь.— И я, глядя ему в лицо, чувствуя дрожь в желваках, выдавил из себя:

— А ты знаешь, в том списке из двадцати шести, отправляемых в Афганистан, когда нас распределяли в Саратове, я был двадцать шестым. За три бутылки водки прапорщик Воронин сделал меня двадцать седьмым, а двадцать шестым — ты оказался.

Он взглянул, прищурившись, словно прицелился. Медленно вытащил сигарету из пачки, закурил. Глубоко затягиваясь, помолчал, наверное, с минуту. И вдруг спокойно сказал:

— «А ты знаешь, я не обижаюсь. И живи спокойно. Я ведь жив».

---

* ДШК — крупнокалиберный станковый пулемет (Дегтярева, Шпагина крупнокалиберный).

Вячеслав Лобанов
(г. Тольятти)

Родился в 1961 году в Башкирии. Около двадцати лет проработал инженером-конструктором на разных автозаводах. Публиковался в альманахах «Стрежень», «Графит» и журнале «Город» (все — Тольятти). Автор сборника стихов «Где-то ветер листает стихи». Дипломант конкурса «На енисейской волне-2012»

НАЧАЛО МАРТА

Небо выбелит жаром первых солнечных дней
И зеркальным ударом выжжет пятна теней.
Потемневший зернистый мокрый снег за окном,
Тают елей мониста и текут серебром...

Лес манит на прогулку, от забот отдохнуть.
Двор неряшливый, гулкий, я покину и в путь.
Снег еще укрывает бурых листьев поля,
На пригорках подтаял, и дымится земля.

Ветки голых деревьев, как платок кружевной —
Только сосны и ели зеленеют стеной.
Белой строчкой следочки меж бугров и низин.
Чуть наметились почки у ольхи и осин.

Мох на толстых лесинах пожелтел и облез.
На полянах пустынных снега яростный блеск...
Утром, в палевой дымке, щеки щиплет мороз,
Но вчера, на заимку, он тулуп свой унес!

ЗАКОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Сижу в развилке меж ветвей:
Передо мной, как на картине,
В подвижной арке неба стынет
Большая роща. А в траве

Три желтых звездочки горят —
Цветки люцерны... и цикорий

Синеет ярко. Осень вскоре
Накинет пестрый свой наряд.

Пятнают охра и багрец
Деревья рощи — кучно справа:
Густа зеленая оправа,
Но лету наступил конец.

Я спрыгну в низкую траву —
Темнеет, надо возвращаться,
Забыл, что лет мне не шестнадцать,
Упал, ушибся, но живу!

ПРО ЕЖА

Вечером, после смены,
Папа принес ежа.
В сумке, присыпан сеном,
Еж коlobком лежал.

А развернувшись, фыркал,
Носиком поводя.
Иглы нарастопырку —
Колются злей гвоздя.

Ночью не спал, а топал,
Чем-то в углу шушал!
Папа в огромный подпол
Взял и спустил ежа.

Но отдохнешь едва ли,
Еж воевать мастак:
С писком наружу валят
Мыши — не меньше ста!

Ежик ушел в подполье.
Тихо — не спится мне.
Что он еще отколет,
Шастая в глубине?

КАНИКУЛЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

Опять не спится в час ночной
Бродяги-мысли
Меня уносят в мир иной:
Там с коромыслом
Соседка Ленка за водой
Идет к колонке,
И я, мальчишка заводной,
Кричу ей звонко...

Там баба Аня в огород
Спешит в калошах.
И многочисленный наш род
Еще не кошен!
Смеясь, бегут сестра и брат —
На речку едем...
Зовет играть меня Айрат
Во двор к соседям.

Там деду валенки несут —
Он подшивает.
Отец купил нам «Бирюсу»...
И мать живая...

ЦВЕТОК «МАНИТ-ОБМАНЕТ»

В потаенных лесах, где живут упыри,
Где коты смоляные недобро глядят,
Где старушки-ягушки готовят внутри
Потемневших избушек обед для котят,

Появился цветок необычной красы —
Исполнитель желаний, феерий мастак —
Светлячково мерца в ночные часы,
Завлекает желающих все и за так.

И стремятся в чащобу глупцы через топь,
От змеиных укусов рискуя полечь,
Через острый осот и осиную дробь,
Не боясь, что старушки отправят их в печь.

А цветок, затаившись в тумане густом,
Лишь дурачит, лишая покоя и сна!
И двоится в глазах, и за каждым кустом
То кривится упырь, то сверкает казна...

